

88
278

Ассоциация Художников
Революция России
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА АХРР'а

5787
г.п.
192

35
513

ВЫПУСК II

СЕДЬМАЯ
ВЫСТАВКА

АХРР'а

„Революция,
быт и труд“

Издательство АХРР'а
Москва ————— 1925 г.

Непрерывная самодисциплина, непрерывное совершенствование себя, как мастеров, подготовка с неослабным напряжением к очередной отчетной выставке АХРР—вот тот единственный путь, который приведет к созданию подлинного нового искусства, на вершине которого форма сольется с содержанием, и президиум и фракция РКП АХРР призывает всех художников, кому близки и дороги заветы и цели, поставленные перед АХРР, сплотиться вокруг Ассоциации в мощную, единую художественно-революционную организацию.

Президиум и фракция РКП (б) АХРР.

„Пути искусства“.

Приветственное слово Наркома по просвещению А. В. Луначарского на торж. открытии VII выставки АХРР а „Россия, быт и труд“ 8-го февраля 1925 г.

Товарищи, позвольте сказать несколько слов собравшейся здесь публике. В области изобразительного искусства мы переживаем сейчас особенно интересный и сложный момент. Первое, что мы должны всегда помнить, — реалисты и трезвые люди, — это то, что у нас в России наши художники находятся, в огромном своем большинстве, в весьма тяжелых материальных условиях. Условия сбыта их произведений затруднены. Частный рынок почти совершенно ушел и т. д. Об этом в Государственном Ученом Совете у нас было совещание и нам удалось провести кое-какие меры.

Перед тем как прийти на выставку АХРР, мне пришлось быть у одного молодого художника (Рабичев) и я видел там очень хорошие картины, которые меня глубоко удовлетворяют в смысле направления, избранного этим художником. Это приблизительно то, что — по форме — нам как раз нужно. А этот художник ютится в такой крошечной комнате, где просто нельзя повернуться. Я не понимаю, как он ухитрился в такой обстановке писать свои картины. И, разумеется, это не единственный случай! Каким образом и когда мы сможем все эти болезненные стороны нашего быта устранить, я сейчас не берусь предсказать. Задач перед нами стоит много, и многие из них разрешимы трудно.

Рядом с этими трудностями чисто материальными, чисто бытовыми, есть и идеологические трудности, которые стоят на пути русского художника.

Часто нам говорят так: государство больше шло бы навстречу изобразительному искусству, если бы было более очевидно для пролетариата, для правительства, для нашей новой нарождающейся общественности, что художник ее понял, почувствовал и что он действительно активно готов слу-

жить строительству новой культуры. Не забудем, что от государства, еще бедного, только начинающего восстанавливать наше хозяйство, трудно ждать сейчас серьезной помощи и поддержки.

Конечно, художник должен быть современным. Что это значит?—Итти впереди своего века, выражать свою эпоху... Как вы знаете, различные художественные школы по разному это понимают. — Вопрос это очень сложный но как будто начинают уже вырисовываться правильные пути в этом отношении.

Надо прямо сказать, что та публика, те верхние 10—15 тысяч, для которых главным образом работали художники прежде, — схлынула. Это так! По крайней мере у нас в России. Это, конечно, должно было сопровождаться некоторым понижением формальной культуры. Совершенно естественно, что богатая буржуазия, большая часть зажиточной интеллигенции, которая соответственно воспитывалась в течение нескольких десятков лет, развила свои вкусы до довольно значительной эстетической высоты. Так это было и в Европе, так это было и у нас.

Было бы заблуждением думать, что это были только толстосумы. Многие из них глубоко понимали, тонко и горячо любили искусство.

Сама эта публика и за границей и у нас в России довольно резко делилась на две части. С одной стороны, это были консерваторы, какими в большинстве случаев бывают правящие классы. Эта часть стояла за искусство академическое — консервативное, или по существу говоря, за искусство реалистическое, потому что как раз с годами их молодости совпало торжество этого направления в искусстве. Отчасти среди них были чистые эстеты, которые у нас в 90-х и 900-х годах получили большое распространение (Мир Искусств). Эта часть публики препятствовала развитию новых форм искусства. Правда, имелась и другая часть богатой публики, которая хваталась за все, что было нового и модного.

Художник должен быть общественной силой.

Но основным моментом в отношении этой богатой публики к искусству, как в ее консервативной, так и в склонной к новому, части, было то, что не было уже никакого интереса к самому *содержанию* искусства. До сих пор считают за большое приобретение теории искусства то положение, что живопись должна де быть „чуждой-литературине“, что в этом будет заключаться „освобождение“ изобразительного искусства. Картины следует де рассматривать, как совокупность форм и красок без всякого соотношения к тому куску жизни, который она отражает. Это учение на самом деле губительно для искусства, согласно нашим воззрениям. Картина, наоборот, должна быть той крайне-жизненной, насыщенной волей ценностью, которую художник бро-

сает в жизнь, как некоторый идеал, как организующую силу. Картина должна представлять некоторую новую форму, долженствующую, по мнению художника, не только отражать жизнь, но всколыхнуть ее и вести куда-то вперед. Но до революции искусство не имело стимулирующих сил итти вперед, развиваться, за исключением чисто формального развития некоторых мастеров, модными вещами которых буржуазия любила себя развлекать в некоторых кругах снобов.

Положение искусства и художника, как общественной силы, к какому мы зовем их в последнее время, было для буржуазии неподходящим. И это величайший крах, который мог случиться с художником. — Тот символ веры, что каждое искусство должно на первое место ставить формальные искания и формальное мастерство — это есть то, что пролетариат безусловно сломит. с чем пролетариат ни в коем случае не помирится. Он может конечно, принять формальные достижения прошлого за опору, потому что без мастерства не мыслится никакое искусство. Он смотрит, однако, на формальные искания, как на упражнения, которые делает художник для себя, которые необходимы, как школа, как леса, как подготовительные ступени.

Пролетариату нужна *картина*. Картина понимаемая, как социальный акт. Теперь все мы люди, все мы граждане. Все мы мыслители, у нас всех есть громадные задачи. Мы еще полностью не разобрались в новом окружающем. И вот мы должны ознакомиться с тем бытом, тем новым, что только начинает еще создаваться из обломков старого. Мы его еще не знаем. Мы не знаем его переживаний. Пролетариат сейчас ищет таких произведений искусства, которые были бы толчком для его сознания. Ищет, но за исключением литературы такого искусства еще нет.

Ожидаемая нами картина, как некогда яркая статья Белинского или новый роман Тургенева, должна бить по нервам, являться громкой проповедью, не доктринерской, а в художественной форме, чтобы входить в человека не через ум, а через всю его нервную систему. По этому пути должно итти и наше искусство, чтобы быть ценным.

Приходится все-таки признать, что не смотря на трудные материальные условия в общем и целом русское искусство не откатилось назад и представляет даже в мировом масштабе довольно большой интерес. Наша недавняя выставка в Венеции, собранная довольно случайно и представленная далеко не лучшими вещами, достаточно свидетельствует об этом. До сих пор еще продолжается большое волнение по поводу их за границей.

Я недавно получил брошюру Палладины, посвященную этому предмету, где дается очень тонкий и верный анализ нашего культурного строительства и где автор стремится найти вехи и пути нашего нового творчества. И очень любопытно при этом то, что многое, незаметное для нас, живущих этой жизнью, не ускользнуло от автора. Читая такие отзывы европейцев, я на-

хожу, что мы можем с гордостью признать, что русский художник не ослабел, русский художник не отстал. Он продуктивен и стоит на значительной технической высоте. Но полной органической связи с нашей современностью мы в настоящем масштабе, в том, которого мы ждем, еще не имеем. И даже, судя по этой выставке, которую я бегло просмотрел, мы находимся только на пути к ней.

Задачи революционного искусства.

АХРР поставила совершенно правильно задачу найти такие пути для художника нашей современной действительности, при которых искусство оказалось бы несущим на себе важную часть общего культурного строительства и в то же время не только не измельчало бы, но непрерывно развивалось и шло вперед в отношении мастерства.

Однако, такое необходимое соединение мастерства и общественных задач не всегда нам приходится видеть. Мы очень много видим картин, в которых мастерство несомненно присутствует, но не находится ни в какой связи с общественностью. В большинстве своем — это красиво сделанный, раскрашенный кусок полотна, с любой случайной темой. Конечно, — это не пустое место. Это изящная вещь, но нам этого мало.

С другой стороны часто мы несомненно видим стремление художника сказать общественное слово. Какие недостатки при этом в большинстве случаев бросаются в глаза? Картина должна быть серьезно проработана, чисто технически хорошо исполнена, удачно сконструирована: крепости, наглядной убедительности и силы, которая должна быть в нашей общественной картине, в огромном большинстве случаев мы ищем тщетно.

Формальная конструкция отсутствует, наш художник — реалист — как будто пытается моментально зафотографировать — демонстрацию какую-нибудь, борьбу и т. д. Как в жизни — на полотне формы разбросаны. В сценах борьбы, или труда не видно никакой объединенной конструктивной мысли. Общее впечатление, повторяю, таково, что если снять хорошую фотографию, и более или менее удовлетворительно раскрасить, то мы получим как раз то, что нам часто дают вместо картины.

Надо, чтобы художник *творил* свою картину, чтобы она была выношена в его крови и нервах, чтобы она была *его поэмой*, а не отражением, как фотографический снимок. Я думаю, что к такой картине, которая придет к нам несомненно, — мы должны стремиться. Сознательное *построение* картины, а не случайные формы, может быть достигнуто только в том случае, если действительность, которую художник воспринимает, увлечет его, если она захватит его настоящим образом. Я не вижу еще такого захвата.

Я не чувствую его, но известные шаги уже проделаны, и я приветствую всех выступающих на путь творчества для революции.

Формализм кубистов и др. дает кое-что. Правда, это течение остановилось на полпути. Оно преодолело действительность, но расщепляло, уродовало ее, бесцельно ее деформировало. Между тем большинство нашей публики, которая будет наполнять залы АХРР, конечно, не поймет подобного расщепления действительности. Ей нужна концентрация этой действительности, ей нужно, чтобы картина была насыщена изобразительностью, но все же вместе с тем действительность должна быть художественно организована.

Этой организованности нет. В зарубежном искусстве, в Италии, Франции художники идут к новым принципам организации, ищут путей к порядку, частью быть может под влиянием фашизма, частью же под влиянием социализма. Еще неизвестно, куда склонятся новые тенденции в Западной Европе. Видно только, что там жаждут *порядка и в картине*. Во всяком случае, они не хотят удовлетворяться больше случайностью чувства и случайностью действия.

Мастерство должно слиться с революционной действительностью.

Но мы находимся в условиях *коммунистического государства*. Казалось бы, что у нашего художника должна особенно чувствоваться потребность организовать свои формы и слиться с революционной действительностью, устремленной к высшему порядку. Этого пока еще не заметно. Только у немногих, более или менее, уже чувствуется это стремление.

Если бы мы путем комбинаций всего того, что мы имели в нашем недавнем прошлом, через общественный реализм передвижников, через яркость красок, любовь к материи, к реальности, которую иностранцы отмечают, как нашу особенность, пришли к картине, представляющей из себя нечто целостное, кристаллизованное, где основная идея, основное чувство, основная мысль доминируют над всем, — мы могли бы всех зажечь и убедить.

Конечно, для этого нужен большой талант. Но я думаю, что у нас нет недостатка в талантах. А когда явится такая картина, появится хотя бы только одна, — она сразу изменит, очистит всю атмосферу, она укажет те пути, по которым должны будут пойти все остальные. Мы будем иметь право сказать: на революцию — мы ответили вот чем. Но пока я не вижу, я не знаю такой картины. Правда, у нас есть интересные полотна, но той картины, к которой все мы должны стремиться, — еще нет.

„Беспризорные дети“ — Богородского.

Я не буду останавливаться на отдельных полотнах и художниках, которых я видел на выставке. Я очень быстро осмотрел ее. Приятно было видеть немало работ, на которых хотелось бы остановиться со вниманием. Упомяну сейчас только одну фамилию, которую я до сих пор не слышал, — художник, которого я не знаю, но работы которого меня порадовали. Он обещает многое, принимая во внимание его молодость. Я говорю о картинах, изображающих беспризорных детей и принадлежащих молодому художнику Богородскому. Это превосходные вещи. Мне кажется, что они крепко сработаны. А между тем — это очень молодой мастер, вернее — даже не мастер, а подмастерье. Самое же лучшее то, что здесь мы в самом деле видим перед глазами действительность, настоящий опыт художественного социально-психологического анализа. Это вздор, когда начинают говорить, что художник не должен быть психологом. Художник — психолог вовсе не уходит от материализма. Ведь живописец не может рыться в т.-наз. „душе“ человеческой. Что на самом деле он дает? Он дает внешность, наружность. Он дает чистую материю, то, что относится к тому „поведению“, которое изучает как раз наша новая научная психология. Мы должны знать человека. Это основной материал для нас. Мы должны стремиться к тончайшему познанию человека через его внешние проявления. Человеческое чувство, настроение очень непосредственно трудно уметь, но то, как оно отражается в физиономии, в позе, в самой конструкции всего его внешнего облика, имеет огромное показательное значение. И вот, суметь *чисто зрелищными путями* представить вам какойнибудь социальный тип так, чтобы перед вами как будто распахнулись двери и вы сразу осознали, сразу увидели, как переплелись социальные пути, соединялись линии, создавались условия, чтобы дать вам именно такой тип — это и есть высокое искусство. Для этого нужно суметь выбрать объект. Вот, когда мы смотрим на эту серию лиц беспризорных детей Богородского, мы как будто видим самое нутро тех, которые сейчас растут волчатами. В будущем они, быть может, использовав все эти ужасные, неласковые прикосновения судьбы, по-разному выйдут на разную дорогу. Одни выкуют необычайно острый ум, гибкость, хладнокровие, самостоятельность и волю, другие окажутся отщепенцами, антисоциальным элементом, а третьих — скосит судьба, сделав жертвами туберкулеза, идиотизма и т. д. И молодой Богородский умеет показать нам все это. Его прекрасные этюды нужно издать, как иллюстрации к хорошему трактату о том, что за себя представляет такое социальное явление, как детская беспризорность.

Это вовсе не значит, что картины Богородского на этой выставке — лучше всех. Здесь есть прекрасные мастера, а ему нужно еще учиться. Но

я не мог не отметить его картин, написанных очень крепко и имеющих уже сейчас социальное значение.

И в области искусства новое слово скажет СССР.

Во многих отношениях наша молодежь — комсомольцы, пионеры указывают нам пути. Если и в области нашего изобразительного искусства молодежь также будет находить пути раньше старших, то последние отнесутся к этому не с завистью, а с величайшей радостью. Старый, или молодой, реалист, или символист — все равно, кто найдет правильный путь. Но все мы должны стремиться к тому, чтобы наши культурные изыскания в конце-концов привели нас к великой общественной картине, которая будет началом новой эры в искусстве. Такая талантливая семья народов, какая имеется у нас в СССР, сумеет ответить на сверхтрудные запросы своего времени.

И 7-я выставка АХХР'а есть новый шаг по тому же пути. Она показывает еще многое из того, что нам не достает. Но вместе с тем она свидетельствует о наличии правильно поставленных задач, об усилиях их разрешить.

Трудно ждать решающего успеха слишком скоро.

Близки все же те годы, когда мы, ожидающие нового слова, действительно в праве будем сказать, что его отражение в искусстве, в литературе, в быте, выросло у нас. Я смело могу сказать, что лучшие элементы Европы ждут этого именно от нас.

А. Луначарский.